

ДОРОГА К СЕБЕ

У Джалил-Муаллима, героя повести Максуда Ибрагимбекова «Ссора», и героя его рассказа «Уютное место в сквере» Агасаф-аги есть точки соприкосновения. (Повесть и рассказ сошлись под одной обложкой в книге «Немного весеннего праздника», выпущенной «Советским писателем»). Оба — коренные жители большого южного города, для которых правила существования, определенные двором, улицей — их средой — десятилетия назад, так и остались единственно возможными, непререкаемыми. Оба добились достатка своим многолетним трудом, своими руками и способны были на жертвы для семьи, для близких. Можно было бы отыскать и другие общие свойства, черточки, но зададимся вопросом: почему столь различно отношение писателя к героям, вроде бы похожим, внутренне родственным? Почему Агасаф-ага открыто симпатичен Ибрагимбекову, а Джалил-Муаллим вызывает куда более сложное чувство, в котором уживаются и острый интерес, и признание достоинства, и жалость, и неприязнь — при том, что последняя в итоге оказывается преобладающей?

Джалил-Муаллим живет, как живет, потому что так принято, и все желания, побуждения, выходящие за пределы установленного окружением, патриархальной средой, герой беспощадно в себе подавляет, глушит. А желания, побуждения, особенности человеческой индивидуальности Агасаф-аги, кажется, никогда не расходились с его моральными правилами — не будем сейчас касаться вопроса о том, что правила эти в известной мере бедны, примитивны. Если же все-таки расходились, он ради того, чтобы сохранить себя, свою внутреннюю независимость, шел, пусть интуитивно, неосознанно, на определенные «отступления от норм».

В самом деле, слышано ли это в патриархальной бакинской семье, чтоб жена помыкала мужем, не сготовила обед к его возвращению с работы и даже отправляла Агасаф-агу из дому не тогда, когда ему хочется погулять, а тогда, когда ей заблагорассудится? Конечно, не слышано, однако Агасаф-ага слишком незлобив, чтобы призвать к порядку неумную, крикливую женщину, стесняющуюся его профессии парикмахера, — он такой и иным быть не может. Да, доброта героя слаба, беспомощна, но он сохранил ее, и это куда привлекательней угрюмой, тяжелой замкнутости Джалил-Муаллима. Ну, а относительно того, что еще лучше доброта активная, действенная... Максуд Ибрагимбеков, думается мне, прав, когда не требует от че-

ловека больше того, что этот конкретный человек может.

Но именно этот конкретный человек. Общая же заниженность критериев, склонность, все объясняя, все прощая — писателю не свойственны. И если Ибрагимбеков не намерен упрекать старого парикмахера за его неспособность совладать с эгоистичным семейством, то писательская ирония по отношению к молодому благополучному научному работнику Рауфу (повесть «Три

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИГЕ М. ИБРАГИМБЕКОВА

коробки счастья») говорит сама за себя.

О нет, Рауф не из тех, кто отдаст дань смешным патриархальным условностям. Он просто озорник, Рауф, и будущую тещу, перед которой трепещут ее муж и дочь, способен привести в остолбенение своими выходками. Но озорство и внутренняя свобода — лишь до тех пор, пока речь не заходит о существовании. Здесь же все должно быть по правилам. Надо взять тему для работы, которая не сулит научных открытий, зато наверняка принесет кандидатскую степень. Надо выбрать «в невесты девушку из скромной семьи, не очень красивую, но вполне привлекательную и, самое главное, такую, для которой я всю жизнь буду самым главным и самым умным, потому что она намного глупее меня». Не напоминают ли эти суждения вполне современного молодого человека закорюченный духовный схематизм Джалил-Муаллима, для которого главное — чтоб все было «как у людей». И насколько профессиональное самолюбие старого Агасаф-аги, одного из лучших парикмахеров города, по-человечески дороже писателю, чем принципиальное нежелание Рауфа хватать в своем деле звезды с неба: а вдруг, дескать, подпрыгнешь слишком высоко, да и расшибешься...

Максуд Ибрагимбеков пристально внимателен к людям, стремящимся выбиться из накатанной жизненной колеи, из плена привычного. В повести «Три коробки счастья» Заур находит в консервном наборе бумажку с надписью: «Кто купит этот пакет, тот будет самым счастливым человеком на земле» — и обретает внутреннюю свободу, веру в себя. Он бросает «верную» диссертационную тему ради другой, крайне на-

учно существенной, но запутанной, сложной и не обещающей близких результатов. Он звонит знаменитой артистке, в которую влюблен, но которой долго не решался звонить, потому что знал, что у нее есть жених, знаменитый художник, и оказывается, что ей нужен вовсе не знаменитый художник, а именно он, Заур Макинский. А от Рауфа уходит к другому невеста, та самая «не очень красивая, но вполне привлекательная девушка», в бесконечной, прикинутой преданности которой у него никогда не возникало и тени сомнения... И здесь надо отметить точность нравственной интонации: авторская насмешка над Рауфом приобретает явственный привкус сострадания, сострадания к человеку, который, хотя и по своей вине, но попал в беду.

История про магическое влияние записки из консервного набора на судьбы героев написана с юмором, но все же некоторый стилистический перепад про себя отмечаешь: элементы притчи вводятся автором в реалистическое повествование недостаточно уверенно и органично, существуют с ним как бы на параллельных линиях. Художественный синтез достигнут Максудом Ибрагимбековым в повести «Ссора», открывающей книгу и недавно опубликованной в журнале «Новый мир» под другим названием — «И не было лучше брата».

Если в повести «Три коробки счастья», рассказах сборника временами ошутима некая «общепринятость», то «Ссора» — это поистине взрыв привычного, резкий и смелый уход с накатанной колеи.

Зрелость, непринужденность письма, редкостная естественность переходов от сочных бытовых зарисовок к жесткой символике притчи... А главное — сам Джалил-Муаллим, социальные психологические обоснования духовного краха человека, для которого такие категории, как «принято», «не принято», «полагается», «не полагается», раз и навсегда заслонили жизнь. Писатель размышляет о том, как непоправимо много теряет человеческая личность, если усвоенные ею нормы поведения, в которых даже, пожалуй, немало верного, заслуживающего уважения, — если нормы эти не подкреплены живым нравственным чувством, дающим внутреннюю раскрепощенность, непредвзятость моральных решений.

Впрочем, об этой повести уже написано по достоинству много — не хочу повторяться. В «Ссоре» Максуд Ибрагимбеков открыл масштаб собственных возможностей, воистину пробился к себе.

К. ЩЕРБАКОВ.